

**Издатель**

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»  
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

**Verba**

<https://verba.petsu.ru>

## **Выпуск 2 (№ 2), 2021**

**Главный редактор**

И. В. Львова

**Редакционная коллегия**

И. В. Львова

**Адрес редакции**

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: [verba@petsu.ru](mailto:verba@petsu.ru)

<https://verba.petsu.ru>

Проза

## Зеленый фартук

**ЖИЛИНСКИЙ Петр**

ПетрГУ (Петрозаводск),  
[andreysuhov7@gmail.com](mailto:andreysuhov7@gmail.com)

\*\*\*

Я услышал: в замочной скважине повернулся ключ, дверь открылась, затем хлопнула. Она с силой бросила ключи на тумбочку. Мне сразу стало ясно: её лучше не трогать, – и ушел в комнату. Она же закрылась на кухне.

Когда ей плохо, она часто печёт эклеры с кремом, от которого я схожу с ума. Все время норовлю облизать ложку, которой она его замешивает. Ей это не нравится, и потому она выгоняет меня в гостиную или спальню с обещанием угостить первой порцией, хотя мне точно известно: самый первый эклер она берет на пробу сама и, если тот оказывается, по её мнению, неудавшимся, вынимает весь противень и заворачивает выпечку в целлофан. На следующее утро она скармливает неудавшиеся пирожные бродячему псу. Я часто наблюдаю за ним. Он любит бегать под окнами, шастать по помойкам, гонять туда и сюда голубей. Они взлетают на наш подоконник, откуда я не всегда могу их согнать, а не то грязи оставят ужас сколько! Меня это раздражает, а ей все равно. Если бы не моя аллергия на собак, знаю, она бы точно привела бродяжку в наш дом, потому что любит животных. Это первое, что она сказала мне, когда мы познакомились.

Три года назад мой друг взял меня с собой на её день рождения. Он сказал, она повар и обожает готовить, так что в качестве подарка мы купили зелёный фартук и смея ради замотали меня в него, обвязав красной ленточкой. Давясь от хохота, мы подошли к двери её квартиры и нажали кнопку звонка. Только дверь открылась, она рассмеялась от представившегося зрелища: на пороге стоят двое, первый широко улыбается и похож на бегемота (так его, кстати, часто и называли в нашем кругу), а другой молчит, замотанный в зеленую ткань, перевязанную подарочной лентой.

- С днём рождения! – торжественно воскликнул мой друг, вскинув вверх руки.

- Кто это там? – спросила она.

- Разверни! – ответил он, а я, стиснув зубы, старался удержаться от смешка.

Помню, как её мягкие ладони коснулись ткани, сняли фартук, и я увидел её круглое улыбающееся лицо, глаза цвета травы при восходящем солнце, длинные каштановые волосы, завязанные в хвост. Тут я не смог вымолвить ни слова и, кажется, задрожал. Моему товарищу пришлось нас представить друг другу, потом она пригласила нас войти. Может, это прозвучит странно, но тогда я понял: «Жить без неё не могу!» и, дав понять, что не уйду от неё, совсем не удивился, когда она не стала меня выгонять. Знаю, в отношениях такое редко случается: совсем друг друга не знали, а сразу почувствовали, что это оно, то самое. В общем, мы решили попробовать, и у нас получилось прожить душа в душу три года. Точнее, получалось.

Сейчас все было по-другому.

На днях она разговаривала по телефону, обсуждая с кем-то вопрос о возможном закрытии кондитерской. Какой-то банк, хранивший её сбережения и выручку от бизнеса, обанкротился, а позаботиться о возмещении ущерба не удалось. Она переживала, ведь за аренду помещения и оборудования было необходимо чем-то платить. А где денег взять? Все время задавала мне этот вопрос, а я не мог, да и не знал, что ответить. Она стала пропадать на работе, и мы практически перестали видеться. Я, скажем так, работаю на дому, а ещё слежу за порядком. Это зона моей ответственности, как она говорит. Ей же всего важнее кондитерская. Мне иногда кажется, для неё выпечка стоит на первом месте, и это, признаюсь честно, не радует, хотя я и стараюсь относиться к такому положению вещей с пониманием. Она всегда мечтала начать своё дело, поэтому я очень стараюсь поддерживать её, как сделал бы всякий влюбленный.

Наше заветное место в доме – кухня. Бывает, мы проводим здесь часы напролет, поэтому, меня несколько не

удивил шум вытяжки, раздававшийся оттуда в два часа ночи. Было душно, и я проснулся. Мне захотелось пить. Вышел из гостиной. Миновав спальню, прошел по коридору до кухни, где горел свет. Я решил, что она все еще не спит и, открывая дверь, хотел было спросить, почему она ещё не в постели, но не без удивления увидел: здесь никого не было. Вдруг в нос мне ударил резкий запах табачного дыма, смешанный с запахом гари. Это объясняло, почему вытяжка работала на полную мощность. Только вот откуда взялся горелый запах, мне было не ясно. Я принюхался и догадался: это точно не был запах спекшихся эклеров или крема, ровно как и мяса, картофеля, капусты или какой-нибудь другой пищи. Скорее, это был запах сгоревшего хлопка. Посмотрел кругом и на спинке стула увидел фартук. Тот самый. Зелёный. На его левом кармане, куда она по обыкновению клала пакетики с ванильным сахаром или специями, зиял черный кружок с неровным контуром. Видимо, она о чем-то задумалась пока варила рис (кастрюля, накрытая стеклянной крышкой, стояла на плите) и не заметила, как скопился сигаретный пепел, упав прямо на ткань.

Тут в моем сердце как-то неприятно кольнуло, и в одно мгновение я забыл, зачем пришел на кухню. Это же наш зелёный фартук! Казалось бы мелочь, подумаешь, прожгла его – можно новый купить. Конечно, придется поискать именно зелёный, ведь это её любимый цвет, но... Но ведь такого фартука уже не будет! Такого, на котором были пятна оливкового масла, опрокинутого мною по неосторожности, когда мы варили пасту; такого, в котором она, в перерывах между смены противней с моими любимыми расстегаями, могла танцевать со мной под песни группы Abba; такого, куда она пришила заплатку с названием кондитерской «Croissant» – моим ласковым прозвищем, придуманным ею, когда я тайком стащил свежее испеченный круассан с семгой.

Зелёный фартук! Это ж надо было!.. Что теперь делать с этим чёрным пятном, которое почему-то стало ещё больше... Оно росло, открыло пасть и острыми зубами вонзилось в фартук, пока не съело его целиком, и вдруг перекинулось на меня, блестя огненными глазами. Я побежал от него прочь, в спальню, к ней, чтобы предупредить, спасти её. Толкаю дверь. Заперто. Толкаю ещё раз. Не поддается. А чернота подбирается все ближе, уже объела половину коридора. Ещё секунда и она поглотит меня, а затем... Её! Нет! Я изо всех сил стучу в спальню, а за спиной уже слышен шипящий смех, эхом отзывающийся в голове. Не оборачиваюсь, я делаю последнюю попытку, снова изо всех сил толкаю дверь, она открывается! И...

Меня разбудил собачий лай (ох, и громкий этот пес). За окном голуби ухали и трепетали крыльями. Эти помойные птицы снова уселись на подоконник и гулко ворковали. Надо было сразу разогнать их, но...

Я заглянул в кухню. Там было пусто. Окно во двор было слегка приоткрыто, сквозь него ярко светило солнце. Его лучи металлическим блеском отражались от стульев солнечными зайчиками, один из которых ударил мне в лицо, заставив сморщиться и посмотреть в сторону стула, на котором ночью висел фартук. Теперь его не было. Он исчез, а вместе с ним и запахи обгоревшей ткани и сигарет. Она тоже пропала: я не нашел её ни в уборной, ни в ванной, ни в кладовке (там стоял лишь второй холодильник для хранения мяса и рыбы да стеллажи с консервами, крупами и мукой). Несколько раз обойдя квартиру, я понял, что остался один. Один! В большой квартире. Совершенно один. В глазах потемнело, всё, как во сне. Тьма добралась до нас. Она ушла.

Я растерялся. Не знаю, мне кажется, природа совсем не любит, когда мужчины плачут – а ведь и нам иногда так хочется, чтобы слезы водопадом брызнули из глаз, а не получается выжать и капли. Вот я. Выдавливал их из себя, а они ни в какую не хотели выдавливать. Засели внутри. Закрыв глаза и увидел перед собой её. Как бы мне хотелось, чтобы все было как раньше! Чтобы она вернулась! Чтобы могла ни с того ни сего толкнуть меня или взять да и побежать за мной. Когда она так делала, то ставила меня этим в тупик, смеялась надо мной, начинала ужасно гримасничать, кривляться. Мне это не нравилось, я злился, бежал за ней, слышал её крик и заразительный смех, эхом уносившийся к высоким потолкам. Потом она падала на пушистый ковер, я рядом. Мы зарывались в него, щекотали друг друга, а когда уставали, то лежали какое-то время, и, утомившись просто валяться, вставали с пола, подходили к окну и, обнявшись, наблюдали за сумасшедшим псом. Он не мог найти себе дела, всё гонял глупых голубей, радостно открыв пасть и свесив длинный язык. Дул теплый ветер, пригибая длинную зелёную траву к земле, словно хотел причесать их как волосы. Тогда мы хватали одежду и с гулом и топотом бежали на улицу так, что слышали все соседи. Они часто удивлялись, зачем мы берем с собой поводок...

Вдруг я услышал скрип.

Я подскочил на месте! Радостный, счастливый и напуганный: она давно не возвращалась домой на обед, у меня ничего не готово. Не хотелось разочаровывать её! Но что же делать?.. Не долго думая, как ошпаренный, я вернулся в гостиную, лег на диван, залез под плед и сделал вид, будто сплю.

Слышу: замок щелкнул последний раз, дверь мягко открылась и было неясно, закрыла она её или нет. Она разговаривала по телефону. В голосе её звучали нотки радости, которые я уже давно не слышал. Она прошла в кухню, откуда я не мог уловить ни слова, потом снова вернулась в коридор. Беседа по телефону всё продолжалась. Её радости не было предела, она смеялась, несколько раз повторив слова «субсидия» и... «Благотворитель»? Стало тихо, и в этой тишине я уловил осторожный звук её шагов: она вошла ко мне. Я замедлил дыхание, намереваясь, когда она подойдет ближе, сбросить с себя плед и вовсе горло крикнуть: «Я

всё знаю! Ступай к своему... Этому... Как его там... Благотворителю! Во!» – меня задело, что он смог её рассмешить (ведь это входило в мои обязанности). Но едва край пледа поднялся, я увидел перед собой зелёные глаза и, будто впервые посмотрев в них, не смог вымолвить ни звука. Она не была хмурой, наоборот, улыбалась, хитро прищурившись.

– Разбудила тебя, соня?

Всё, что я смог сделать, так это зевнуть. Всё думал, она рассердится, скажет, что я весь день валяюсь в постели. Лодырь. Ленивый. Ленивец. А она лишь улыбнулась и откинула плед в сторону. Я увидел её стоящей передо мной во весь рост. Она была в зеленом фартуке! Он был чистым и выглядел, как обычно: на его левом кармане не было и следа дырочки от сигаретного пепла. Не успел я удивиться такому чуду, как она сказала:

– Пойдём, у меня для тебя кое-что есть!

Взяла меня на руки и, завернув в фартук, понесла на кухню. От фартука исходил приятный запах лаванды, и как только мы переступили порог кухни, он смешался со знакомыми мне ароматами тунцового паштета. Она всегда покупала его, прекрасно зная – это был верный способ получить моё прощение. Здорово осознавать, что у нас всё хорошо! Это был лучший обед со дня нашей первой встречи. Пока длилась трапеза, она всё гладила меня и повторяла: «Ешь-ешь, мой рыжий толстячок!», и я был на седьмом небе и уплетал паштет, все время думая: «Чёрт возьми, какое это счастье – быть её котом!»